

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Къ воспоминаніямъ о Николаѣ Семеновичѣ Лѣсковѣ.

Въ архивѣ писемъ, накопившихся у меня за 43-лѣтнюю дѣятельность, не мало принадлежащихъ перу нашихъ писателей, съ которыми меня часто сталкивала и нерѣдко сближала моя профессія. Большинство такихъ писемъ имѣть, конечно, лишь узко-личное значеніе, но нѣкоторыя представляютъ, кромѣ того, и извѣстный литературно-общественный интересъ. Въ числѣ послѣднихъ—нѣсколько писемъ Николая Семеновича Лѣскова, которыя, въ качествѣ матеріала для воспоминаній о писателѣ, по своей самобытности и оригинальности, заслуживаютъ, я полагаю, быть напечатанными, а потому я ихъ предоставилъ въ распоряженіе редакціи *Русской Мысли*.

Кромѣ помѣщенныхъ ниже писемъ, относящихся къ послѣднимъ 8 годамъ жизни Николая Семеновича, когда меня съ нимъ сблизили его недуги, я напоминаю о случившемся съ Н. С. въ 1871 году *эпизодѣ*, который имѣетъ близкое отношеніе къ нынѣшней злобѣ дня—къ вопросу о „нѣмецкомъ засильѣ въ Остзейскомъ краѣ“.

Наконецъ, я привожу выписку изъ моего альбома автографовъ, въ которомъ, въ собственномъ изложеніи Н. С. Лѣскова, заключается любопытное изреченіе о его книгѣ „Мелочи архіерейской жизни“, сдѣланное покойнымъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода гр. Д. А. Толстымъ.

Письма Н. С. Лѣскова къ Л. Б. Бертенсону.

5 Мая 1887 г.

Благодѣтель мой Левъ Бернадовичъ. На Москвѣ смачно ѣдятъ и обильно спятъ, а дѣлами неборзяся орудуютъ, и есть у нихъ на то приговорка, — называется — московская волокита. И отъ той волокиты я, богомолецъ твой и сирота, присмирѣлъ и расслабъ и насплу живъ ко своимъ животамъ въ еретицкій градъ повернулся, и тебѣ, Государю моему, челомъ бью и плачуся: повели мнѣ, Государь, на твой смотръ придти и размотри отъ своей дохтурской хитрости, что мнѣ отъ той волокиты прикинулось на нутрѣ, или въ печеняхъ, или на сердцѣ, или—утинъ, али задуха, или слглазь, или отъ обжорства, или отъ фряскаго сладкаго вина, съ горестію испитаго съ охранителями *Русской Мысли!*

А казнѣ твоей, Государь, черезъ твое обо мнѣ дохтурство прибытка не будетъ никакого, и ты бы, Государь, на насъ за то не гнѣвался, а мнѣ явите свое милосердіе, — пришлите номерокъ ¹⁾, — когда докучать позволите. Преданный и благодарный Вамъ *Николай Льсковъ*.

5 окт. 1889 г.

Досточтимый Левъ Бернардовичъ. Вы меня посѣщаете, а я гуляю... За это меня надо не похвалить, но Вы меня простите и обычною милостію своею покройте. — Здоровье немножечко лучше, но всякій день бываетъ напоминаніе. Продолжаю облатки, пилюли и Гуниади по стаканчику. Діету соблюдаю. — *Михайло Ивановичъ Пыляевъ* ²⁾ живетъ по Фонтаникѣ, между Цѣпнымъ и Симеоновскимъ мостами, № 22, кв. 8 (во дворѣ). Онъ сейчасъ у меня и крайне смущенъ тѣмъ, что Вы запросили о его адресѣ. Онъ живетъ „въ келейкѣ“, съ „птичками“ и съ „колбочками“, и боится, что Вы ему захотите оказать вниманіе, а его дома не случится. Онъ прислуги не держитъ, — не по скупости и не по недостатку, а потому, что она ему „мѣшаетъ заниматься“. Онъ Васъ проситъ „не беспокоиться“, а впрочемъ „какъ Вамъ угодно“! И я скажу то-же. Самъ Михайло Пыляичъ къ Вамъ явится на сихъ дняхъ и принесетъ „другую книжечку“. (У него все вѣдь въ уменьшительно-ласкательномъ родѣ). Проситъ Васъ (если можно) при случаѣ молвить словечко Н. К. Зейфарту ³⁾ въ защиту дѣтей его умершаго друга Асташева: нельзя ли имъ дать опекуна не „профессиональнаго“, а честнаго, воспитаннаго и добраго. Мальчика-то, кажется, въ самомъ дѣлѣ обидѣли и вывели изъ терпѣнія.

„Попы толстопузые“ поусердствовали и весь VI-й томъ мой измазали. Изчеркали даже романъ „Захудалый родъ“, печатавшійся у Каткова... Вотъ каково „мужененство“! Это то, что Мицкевичъ удачно называлъ „kaskady tyraństwa“... Какіе отъ этого облатки и пилюли принимать надо?... Что за подлое самочинство и самовластіе со стороны всякаго прохвоста!

Не отрывайте себя для меня. Пришлите мнѣ лучше номерочекъ, — я приду къ Вамъ. Будетъ съ меня, что я Васъ беспокою въ крайнихъ случаяхъ. — Экземпляръ сочиненій принесу Вамъ, когда будутъ въ переплетѣ. VI-й т. постараюсь добыть. ⁴⁾ Преданный Вамъ *Н. Льсковъ*.

¹⁾ „Номерокъ“ обозначаетъ очередной билетъ на приемъ больныхъ. *Л. Б.*

²⁾ Авторъ сочиненій „Старый Петербургъ“, „Старая Москва“ и друг. *Л. Б.*

³⁾ Предводитель дворянства С.-Петербургскаго уѣзда. *Л. Б.*

⁴⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о томъ томѣ сочиненій *Н. С. Льскова*, который, вслѣдствіе содержанія „Мелочей архіерейской жизни“, по повелѣнію *Побѣдоносцева*, былъ конфискованъ и изъятъ изъ употребленія. Эта книга была для меня добыта Н. С. и доставлена со слѣдующей надписью: „Божіимъ поущеніемъ книга сія сочтена вредною и уничтожена мстивостію чревоненстоваго Осектистова подлаго ради угожденія Лампадоносцеву“. *Л. Б.*

31 декабря 1891 г.

Завтра, 1-го января 1892 г.—великое дѣло: завтра исполнится тысячелѣтіе *Петербургской Газеты*, о чемъ семь разъ объявлено въ печати!... Можно ли не знать объ этомъ! Третьяго дня ко мнѣ пріѣзжалъ Худековъ на парѣ орловскихъ чистокровокъ и самъ привезъ мнѣ билетъ съ тѣмъ, чтобы я далъ ему слово „хоть на минуту взойдти“ къ нему въ сей день священнаго торжества. И я по малодушеству своему не устоялъ и далъ обѣщаніе пріѣхать на малое время, въ 2 часа дня. Назадъ спяттаться не могу, а боюсь, что Вы, добрый другъ мой, тутъ-то и можете ко мнѣ заѣхать, и это будетъ мнѣ большимъ огорченіемъ! А потому,—думаю,—не лучше ли будетъ, если Вы назначите мнѣ другой день, наприм., четвергъ (2-го ч.), или завернете ко мнѣ завтра (т. е. въ среду), позже 4-хъ часовъ. — Въ положеніи моемъ ничего „жизнерадостнаго“ нѣтъ: тотъ же голодь и тѣ же припадки, непремѣнно ежедневные и утромъ. Сегодняшній былъ легче прочихъ, но въ моихъ глазахъ—это все равно *angina faga da se*. Надо, чтобы и духъ шелъ самъ по себѣ,—о чемъ и забочусь. Искренно Вамъ благодарный *Н. Лясковъ*.

20 февр. 1892 г.

Достоуважаемый Левъ Бернадовичъ. Ваши визитныя карточки проижаютъ мое бѣдное сердце... Что мнѣ дѣлать, чтобы не придти въ совершенное отчаяніе?! Вы хотѣли быть въ воскресенье „къ 6-ти ч.“.—Погода была превосходная, и я вышелъ погулять въ 2 ч. и вернулся въ 4, и уже нашель у себя Вашу карточку... Огорченъ и смущень. Укрѣпляю духъ мой терпѣніемъ и думаю: „вотъ самъ схожу и попрошу извиненія“... Сегодня по неотложной надобности выхожу въ 2 ч., чтобы видѣть *Ге*, и возвращаясь къ 4-мъ ч.—опять нахожу Вашу карточку! Ну что же я съ этимъ подѣлаю?!

Здоровье мое таково, какъ и было: 1 разъ въ недѣлю бываетъ приступъ, но не тяжелый. Ъмъ одинъ разъ мясо (и только одно блюдо), а два раза въ день пью молоко съ вегетаріанскимъ хлѣбомъ. Читаль, какъ *Левъ Николасвичъ Толстой* ходилъ въ Тулѣ на бойню рогатаго скота, и вспомнилъ, что я самъ видѣлъ въ этомъ родѣ... Какъ жутко и какъ жаль, что дѣтямъ этого не показываютъ,—особенно барышнямъ, которыя будутъ матерями!... Вы мнѣ кажется говорили, что я могъ бы перейти на вегетаріанскую пищу? Такъ это, или нѣтъ?

Но какъ же быть, чтобы я не потрафилъ уйдти на долго, когда Вы заѣдете? А въ 3-ій этажъ я взойти не въ состояніи. Искренно Васъ любящій *Н. Лясковъ*.

3 апр. 1892 г.

Вы, пожалуйста, не подумайте, что я равнодушно отношусь къ вызову вниманія бѣдствіямъ, раскрываемымъ Вашешо книгою! ¹⁾ Это будетъ не-

¹⁾ О положеніи горнорабочихъ на Уралѣ. *Л. Б.*

справедливо,—я не равнодушествую, но въ *Нов. Вр.* ни меня, ни Васъ „не обожаютъ“... А съ этимъ ничего не подѣлаешь! Что-же касается *Пб. Г.*, то я туда самъ написалъ замѣтку и послалъ ее туда уже 6 дней, но она не появляется... „Коллега“ думаетъ, что „они-съ боятся-съ“... Съ цѣлю разсѣять страхъ, онъ же былъ туда посылаемъ сегодня и принесъ извѣстіе, что „отзывъ-съ поставятъ-съ на Святой-съ его сторонникъ-съ“... Страхъ препобѣжденъ, но „интересныя-съ убійства мѣшаютъ-съ“...

Когда увидимся? Здоровье все по старому: ни хорошо, ни худо; но припадковъ нѣтъ, а такъ все „на нутрѣ не крѣпко“. Искренно Васъ любящій *Н. Лъсковъ*.

Объ упомянутомъ мною выше *эпизодѣ* сообщилъ мнѣ *Н. С. Лъсковъ* при первомъ нашемъ знакомствѣ. Перечисляя событія жизни, которыя могли имѣть вліяніе на здоровье, *Н. С.* упомянулъ, съ чувствомъ досады и горечи, объ уголовномъ дѣлѣ, въ которое въ 1871 году онъ былъ вовлеченъ эстляндскимъ оберъ-ландгерихтомъ. Не останавливаясь на подробностяхъ, онъ замѣтилъ только, что если я желаю, то могу поговорить объ этомъ дѣлѣ съ бывшимъ его, *Лъскова*, защитникомъ, извѣстнымъ адвокатомъ *К. Ф. Хартулари*, въ то время моимъ пациентомъ.

Уже послѣ кончины *Николая Семеновича* (въ декабрѣ 1899 г.) отвѣчая *К. Ф. Хартулари* на письмо, касавшееся одного его больного пріятеля, я воспользовался случаемъ спросить о дѣлѣ *Лъскова*, и вотъ что сообщилъ мнѣ *Хартулари*:

„Вы желали ознакомиться съ инцидентомъ, который произошелъ въ жизни нашего общаго съ Вами пріятеля, покойнаго *Н. С. Лъскова*, когда онъ явился протестантомъ противъ порядковъ Остзейскаго края и когда по этому, именно, поводу мнѣ пришлось съ нимъ, выражаясь словами покойнаго *Горбунова*, „сѣчься“ и вызвать на себя нападки всѣхъ Остзейскихъ бароновъ, предавшихъ меня *анаемъ*, за возбужденіе народныхъ страстей... (sic!)... Упомянутый инцидентъ помѣщенъ въ прилагаемомъ при семъ Сборникѣ ¹⁾, который подношу Вамъ въ полную собственность“. *К. Хартулари*.

Занимствуя изъ этого Сборника существенное:

„22-го февраля 1871 г. Эстляндскій Оберъ-Ландгерихтъ, при отношеніи къ приставу 4-го участка Литейной части, сообщилъ г. *Лъскову* исковое прошеніе эстляндскаго комисаріуса *Фици*, на нѣмецкомъ языкѣ, безъ перевода, и при этомъ поручилъ приставу 4-го участка обязать г. *Лъскова* подпискою явиться въ судъ къ 11-му марта, а также избрать себѣ защитника изъ числа присяжныхъ адвокатовъ Оберъ-Ландгерихта.

„По полученіи объявленія, г. *Лъсковъ* счелъ себя вправѣ подать Оберъ-Ландгерихту объясненіе, въ которомъ доводитъ до свѣдѣнія суда о болѣзненномъ своемъ состояніи, извѣстномъ начальнику Эстляндской губерніи, вслѣдствіе по-

¹⁾ *К. Ф. Хартулари*: „Итоги прошлаго (1866—1891). Очерки уголовныхъ процессовъ и судебныхъ рѣш. Спб., 1891“.

сланнаго имъ начальнику губерніи по сему же предмету заявленія, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства, въ то же время заявляя, что бумага, препровожденная Оберъ-Ландгерихтомъ при отношеніи къ приставу 4-го участка Литейной части, не могла быть имъ прочтена, какъ написанная на нѣмецкомъ языкѣ, безъ перевода, и посему, не имѣя возможности ознакомиться съ ея содержаніемъ, онъ, Лѣсковъ, не можетъ исполнить требованія Оберъ-Ландгерихта избрать и „наставить“ одного изъ мѣстныхъ адвокатовъ... Въ заключеніе своего объясненія Лѣсковъ ходатайствуетъ передъ означеннымъ судомъ о переводѣ ему обвинительнаго акта на русскій языкъ и о дозволеніи избрать защитника не изъ присяжныхъ адвокатовъ Оберъ-Ландгерихта, а изъ постороннихъ лицъ.

„Такое объясненіе Лѣскова, не смотря на всю законность выраженнаго въ немъ ходатайства, было, однако-же, возвращено ему обратно Эстляндскимъ Оберъ-Ландгерихтомъ при отношеніи къ приставу 4-го участка Литейной части, отъ 19-го марта 1871 г., причемъ упомянутый судъ, не препровождая уже вовсе искового прошенія Эстляндскаго комиссаріуса Фисци, по доводамъ лишь до свѣдѣнія обвиняемаго, что объясненіе его возвращается, какъ не заслуживающее уваженія ни по формѣ, ни по содержанію, предписываетъ полицейскому управленію взять подписку съ Лѣскова о явкѣ въ судъ на 29-ое апрѣля и вмѣнить ему въ обязанность избрать себѣ защитника изъ присяжныхъ адвокатовъ Оберъ-Ландгерихта, фамилии которыхъ сообщаются. Въ заключеніе упомянутаго отношенія судъ запрещаетъ приставу 4-го участка Литейной части принимать отъ Лѣскова всякаго рода объясненія, за исключеніемъ подписки, на томъ будто-бы основаніи, что Оберъ-Ландгерихтъ, какъ судебное мѣсто, въ силу дѣствующихъ мѣстныхъ узаконеній, не обязанъ вступать съ частными лицами въ переписку, и что если Лѣсковъ не доволенъ распоряженіями суда, то можетъ обжаловать ихъ въ установленномъ законѣмъ порядкѣ.

„Между тѣмъ Лѣсковъ, опасаясь заочнаго судебного приговора, которымъ ему угрожалъ Оберъ-Ландгерихтъ, послать сему суду, одновременно, новое объясненіе и частію жалобу на всѣ его дѣйствія. Но какъ объясненіе, такъ и частная жалоба были возвращены обвиняемому обратно, причемъ со стороны Эстляндскаго Оберъ-Ландгерихта было послано С.-Петербургскому оберъ-полицеймейстеру отношеніе отъ 5 мая 1871 г., въ которомъ судъ жалуется на дѣйствія пристава 4-го участка Литейной части, принимающаго отъ Лѣскова поманутыя объясненія, „по всей вѣроятности, по ошибкѣ“. Что же касается до частной жалобы, то она возвращается Лѣскову на томъ будто бы основаніи, что подлежитъ подачѣ непосредственно въ Правительствующій Сенатъ.

Этимъ оканчивается переписка Эстляндскаго Суда съ обвиняемымъ, которая была прервана указомъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшимъ вслѣдствіе поданной защитникомъ Лѣскова Правительствующему Сенату частной жалобы.

Пропускаю разсужденія и доводы защиты и привожу изъ напечатаннаго *Хартулари* тѣ объясненія, которыя были представлены лично Лѣсковымъ въ засѣданіи Правительствующаго Сената.

Лѣсковъ: „Прежде всего, не знаю, по какому дѣлу я призываюсь къ отвѣту. Г. оберъ-секретарь въ докладѣ своемъ упустилъ сказать о томъ, что я призываюсь по разнымъ дѣламъ: одинъ разъ меня приглашаютъ дать отвѣтъ за оскорбленіе квартальнаго надзирателя; другой разъ—за оскорбленіе разныхъ лицъ, и, наконецъ, третій разъ—за ослушаніе. Есть ли это три разныхъ дѣла, или же одно дѣло? Я не понимаю такого совмѣстнаго обвиненія. Я не получилъ сути обвиненія, хотя получить ее желаю и даже прошу объ этомъ, дабы дать мои почти-

тельпѣйшіе отвѣты; но мнѣ отказывают! Я знаю только одно дѣло и желаю, чтобы оно было разобрано. Дѣло это вотъ какое: Нѣкто, кандидатъ правъ Московскаго Университета Добровъ, рекомендованный губернатору Галкину ректоромъ Московскаго Университета Баршевымъ, прѣбывъ при мнѣ исключеннаго за демонстрацію студента Винклера, канцелярскаго писаря Мейера и гимназиста Гепнера, которые, пивши вино въ ревальскомъ купальномъ курзалѣ, вели задорныя и оскорбительныя для чести русскихъ рѣчи. Именно, говоря по поводу романа „Дымъ“, они сказали, что „въ Россіи все должно разлетѣться, какъ дымъ“, а потомъ, заспоривъ съ Добровымъ, что „у русскихъ нѣтъ чести“...

„Затѣмъ я сказалъ, въ чемъ заключается дѣло, которое я знаю; но какъ изъ него вытекаетъ рядъ проступковъ, я не могу понять. Я никакого квартальнаго надзирателя не оскорблялъ; но есть въ Ревелѣ такой квартальный, который меня оскорбилъ. Это было такъ, что, когда Добровъ поучивъ дерзкихъ нѣмцевъ палкою и переломивъ ее на спиць одного изъ нихъ, ушелъ въ сторону, меня тотчасъ-же окружили побитые Добровымъ и дѣлали мнѣ дерзости, а явившійся нѣмецкій квартальный надзиратель, къ которому я обратился съ просьбой отвести меня домой, или къ губернатору Галкину, или, наконецъ, въ полицію, отказалъ во всемъ этомъ и сознался въ томъ г. Галкину. Затѣмъ, въ чемъ заключается „ослушаніе“, я уже совсѣмъ не знаю и именно хочу это знать, и прошу дать мнѣ въ этомъ обвинительный актъ, и считаю себя на это въ правѣ. Въ подкрѣпленіе этого права я, не зная законовъ Остзейскаго края, могу, однако, сослаться на дѣла, соотвѣтствующія настоящему. У меня, напримѣръ, есть интересные документы по Вейсенштейнскому дѣлу объ оскорбленіи русскаго знамени Островскаго пѣхотнаго полка. При производствѣ этого дѣла, какъ мнѣ извѣстно, давали обвинительные пункты и притомъ составленные съ такою подробностью, что священника, совершавшаго въ это время молебствіе о здравіи Государя Императора, спрашивали: „былъ ли маіоръ, командовавшій церемоніей, достаточно трезвъ?“ Имѣя это въ виду, я полагаю, что и я имѣю право получить вопросы не менѣе подробные. Потомъ я знаю второй случай, касающійся литератора *Милюкова*, который провинился передъ ревальцами какою-то корреспонденціею, за которую отъ него потребовали столь подробныхъ объясненій, что онъ вынужденъ былъ писать и о ревальскихъ мостовыхъ и о ревальскихъ килькахъ. Слѣдовательно, только одному мнѣ отказывается въ присылкѣ обвинительныхъ пунктовъ, на которые я желаю отвѣчать, а мнѣ прямо угрожаютъ причинить „законные вреды“.

„Затѣмъ есть вопросъ о защитникѣ-юристѣ. Такой юристъ мнѣ совершенно необходимъ, потому что, хотя я только однажды имѣлъ случай объясниться съ прибалтійскими властями, но при этомъ объясненіи видѣлъ такое нарушеніе моихъ правъ: мнѣ не только не дали написать объясненія моею рукою, но даже не предложили подписать его. Я обращаю на это особое вниманіе Сената и удостоверяю, что во всемъ дѣлѣ нѣтъ ни одной моей подписи, касающейся существа дѣла. Не зная, подписано, или не подписано кѣмъ нибудь мое объясненіе, я его не знаю и не признаю. Если же оно подписано кѣмъ либо вмѣсто меня, неграмотнаго, по рукоданной просьбѣ, то это будетъ очень удивительно, потому что я грамотенъ и даже литераторъ, а руки своей я никакому ревальскому нѣмцу съ довѣріемъ не подавалъ и не подамъ.“

„Поэтому я желаю и прошу утвердить за мною право выставить вмѣсто себя для сношеній съ Эстляндскимъ Оберъ-Ландгерихтомъ русскаго присяжнаго повѣреннаго. Г. Хартуларіи, кажется, достаточно доказалъ, что я имѣю на это право“.

„Въ заключеніе скажу: здѣсь, въ этомъ засѣданіи, было употреблено кѣмъ то слово „преступленіе“; слово это не должно и не можетъ имѣть мѣста, когда рѣчь идетъ о проступкахъ, составляющихъ не что иное, какъ полицейское правонарушеніе. Но какъ законъ русскій не отнимаетъ права свободной защиты даже у государственныхъ преступниковъ, то я всепокорнѣйше прошу Сенать сравнять меня въ правѣ защиты хоть съ ними“.

По обсужденіи настоящаго дѣла, „Правительствующій Сенать 4-го января 1873 года постановилъ: „предписать Эстляндскому Оберъ-Ландгерихту сообщить губерпскому секретарю Лѣскову предъявленный противъ него комиссаріусомъ Фисци уголовный искъ въ рускомъ переводѣ“.

28 апр. 1889 г.

Я пишу въ альбомѣ Льва Бернардовича Бертенсона 28 апрѣля 1889 года,—въ день погребенія министра вн. д. *Д. А. Толстого*, и захошу сюда на память случай, который легко можетъ остаться неизвѣстнымъ, межъ тѣмъ какъ онъ достоинъ вниманія.—Въ бытность *Толстого* оберъ-прокуроромъ Синода и министромъ народнаго просвѣщенія, я служилъ членомъ ученаго комитета м. н. пр., и въ это-же время написалъ этюды, извѣстные подъ заглавіемъ „Мелочи архіерейской жизни“. Они сначала были напечатаны въ газетѣ *Новости*. Редакторъ *Новичъ* однажды извѣстилъ меня, что гр. *Д. А. Толстой* присылалъ купить для него отборъ всѣхъ номеровъ, гдѣ напечатаны мои „Мелочи“. Ожидали непріятностей, а на другой день я встрѣтилъ бывшаго предсѣдателя учебнаго комитета при Синодѣ, извѣстнаго въ свое время протоіерея *Іосифа Васильева*, который сказалъ мнѣ:

— „Я сейчасъ отъ графа... Онъ говорить, что вы ему не дали всю ночь спать,—онъ все читалъ объ архіереяхъ и очень на Васъ сердится.“

— За что же именно онъ мною недоволенъ?—спросилъ я, и добавилъ, что я кажется все писалъ объ архіереяхъ правду.

— „Да, отвѣтилъ *Васильевъ*, но графъ находить, что *вы о нихъ черезъ чуръ хорошаго мннія*“. *Николай Лѣсковъ*.

Левъ Бертенсонъ.

Петроградъ, 22 августа 1915 г.